

Н.В.ГОГОЛЬ - ЧИТАТЕЛЬ "ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО" Н.М.КАРАМЗИНА.

К постановке проблемы

Игорь Виноградов

Знакомство Гоголя с "Историей государства Российского" Н.М.Карамзина предполагается обычно как нечто само собой разумеющееся и не нуждающееся в особенных доказательствах. Вопрос же об изучении Гоголем карамзинской "Истории..." конкретно до сих пор не ставился. Ссылки на Н.М.Карамзина среди гоголевских материалов по русской истории служили лишь основанием общих выводов о том, что "для заметок по истории Руси Гоголь использовал "Историю" Карамзина" (20,с.624). Между тем почти половина дошедших до нас гоголевских набросков по славянской, русской и украинской истории состоит, как показывает анализ, из выписок и заметок при чтении "Истории государства Российского".

Едва ли не первая по времени явная реминисценция из "Истории..." Карамзина встречается в классном выпускном сочинении Гоголя по русской истории "В какое время делаются славяне известны по истории, где, когда и какими деяниями они себя прославили до расселения своего и какое их было расселение", написанном в Нежине в 1828 году. Встретившегося путника, - замечает здесь Гоголь о гостеприимстве славян, - ... принимали с радушием. Открывали даже дома свои во весь день, когда уходили, и ставили на столе хлеб для проходящих странников" (1,т.9,с.15). Карамзин писал в третьей главе первого тома "Истории..." "О физическом и нравственном характере славян древних": "Славянин, выходя из дому, оставлял дверь отворенную и пищу готовую для странника" (10,т.1, с.36). Очевидно, Гоголь придавал этой народной черте "редкой", по словам Карамзина, "в других землях и донныне весьма обыкновенной во всех славянских" особенное значение. Сведения, почерпнутые в "Истории государства Российского", он использовал позднее при описании жилища миргородского полковника Глечика в "Главе из исторического романа" (Гетьман), опубликованной в "Северных Цветах на 1831 год": "...Против дверей несколько окон, перед ними

стол, на котором заметил он ржаной хлеб и соль, не снимавшиеся с него никогда, в знак того, что гость во всякое время может найти радушный прием себе" (1, т.3, с.318).

Выписка из Карамзина, сделанная не ранее 1827 года¹, встречается в гоголевской "Книге всякой всячины, или подручной Энциклопедии", начатой также в Нежине: "Впервые... часы в Москве явились при великом князе Василье Дмитриевиче... поставлены на башне дворца за церковью Благовещенья" (1, т.9, с.538). (Сведения об этом находим во второй главе пятого тома "Истории государства Российского"; 10, т.5, с.138) Очевидно, в Нежине состоялось первое знакомство Гоголя с "Историей..." Карамзина. (В упомянутом классном сочинении Гоголя можно найти еще целый ряд менее явных реминисценций из Карамзина.)

Новое обращение к Карамзину как историку последовало, судя по всему, у Гоголя в Петербурге, где с марта 1831 года по апрель 1835-го он преподавал всеобщую историю в Патриотическом институте благородных девиц, а с сентября 1834 года по декабрь 1835-го – среднюю и древнюю историю в Петербургском университете.²

Несколько выписок из "Истории государства Российского" находятся среди набросков незавершенного гоголевского очерка о славянах (см. 1, т.9, с.29-43). О важности этого очерка для самого Гоголя свидетельствует тот факт, что впоследствии он был положен им в основу одной из университетских лекций по истории средних веков "Состояние Европы неримской и народов, основавшихся на землях, не принадлежавших Римской империи", написанной в июле-августе 1834 года (см.: 1, т.9, с.131-132). Принципиальное значение имеет здесь вопрос о времени, с которого славяне появляются в восточной Европе. Если в своем классном сочинении "В какое время делаются славяне известны по истории..." Гоголь, по сути, уклонился от ответа на этот вопрос ("Трудно и почти невозможно от-

¹Она объединена Гоголем в одно целое с выпиской из книги "Барон Мейерберг и путешествие его по России" (Спб., 1827).

²Отметим также, что в 1833 году Гоголь принял участие в сборе пожертвований на сооружение памятника Н.М.Карамзину, установленному в 1845 году на родине писателя в Симбирске. Гоголь, а также А.С.Пушкин и П.А.Плетнев пожертвовали по 25 рублей (см.: 12, с.247).

дернуть темный непроницаемый занавес истории первоначального происхождения славян"; 1, т.9, с.14), то теперь, следуя первой и второй главам первого тома "Истории государства Российского" (и предвосхищая в своих размышлениях выводы позднейших исследователей), он замечает: "Расселение славян с берегов Дуная невозможно положить... Славяне жили уже очень давно на местах своих. Их расселение по восточной Европе случилось в те темные времена, когда восточная Европа была облечена киммерийскими баснями" (1, т.9, с.34). (Под "киммерийскими баснями" Гоголь подразумевает восходящие к XII веку до Р.Х. баснословные сведения греческих поэтов Ономакрита, Гомера и др. о древних обитателях Южной России киммерианах. Об этих сведениях упоминает Карамзин в первой главе первого тома "Истории..." 10, т.1, с.1). "Подобно как германцы аборигены Европы западной, – подчеркивает Гоголь в другом наброске, – так славяне аборигены восточной. Они, может быть, древни в такой степени, как древни народы древнего мира" ("Уже самим положением земли..." 1, т.9, с.29). "Славяне были самые древние обитатели восточной Европы", замечает он и в лекции "Состояние Европы неримской..." (1, т.9, с.131). "Мнение о древности славян в Европе, – писал позднее, в 1845 году, М.П.Погодин в "Историческом похвальном слове Карамзину...", – принадлежит новейшей критике, но перечтите, что говорит о них Карамзин, и вы увидите, что начиная их Историю с 6-го века, вслед за прочими исследователями, он был уверен в Европейском их пребывании гораздо прежде: он все предчувствовал, все указал, обо всем догадывался!" (17, с.29).

Еще для нескольких набросков очерка о славянах Гоголь воспользовался содержанием уже упомянутой третьей главы первого тома "Истории ..." (О физическом и нравственном характере славян древних). Так, в заметке "Происхождение славян" Гоголь, следуя Карамзину, замечает о сходстве славянских языков "с языком санскритским" (1, т.9, с.33; ср.10, т.1, примеч.245), в заметке "Характер славян вообще" отмечает, согласно приводимым Карамзиным источникам, чрезвычайную музыкальность славян (1, т.9, с.42; ср.10, т.1, с.41). Из Карамзина он выписывает также о погребальных обрядах славян ("Обряды религиозные": 1, т.9, с.41; ср.10, т.1, с.61; т.1, примеч.236), об их ремеслах и искусствах ("Сочинитель Vita S. Ottonis

говорит..."; 1, т.9, с.43; ср. 10, т.1, с.57-58; т.1, примеч.222,223; "Давность существования славян"; 1, т.9, с.33-34; ср. 10, т.1, с.40). Все эти заметки служат ему главным образом основанием того же вывода: "Давность существования славян доказывается их религиею, довольно многосложною, уже показывающею разностороннюю жизнь их, памятниками искусств, для того, чтобы достигнуть которых нужна долгая жизнь и переход к совершенствованию" (1, т.9, с.33).

В конце жизни Гоголь, очевидно, вновь обратился к главам "Истории государства Российского", посвященным славянам. С содержанием их связан обнаруженный в то время Гоголем интерес к этнографии и флоре Сибири. "Мне нужно побольше прочесть о Сибири и о северо-восточной России", - писал он в конце 1851 года С.П.Шевыреву, возвращая ему книгу И.Г.Гмелина "Путешествие по Сибири в 1733-1743 гг." и испрашивая у него пять томов "Путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768-1773 гг." П.С.Палласа (1, т.14, с.265). Составленный Гоголем обширный конспект книги П.С.Палласа находится в связи с примечанием Карамзина к первой главе первого тома "Истории..." Затрагивая в связи с вопросом о происхождении славян гипотезу о давнем азиатском происхождении всех народов, Карамзин приводил в подтверждение этого мнения отрывок из труда шведского ботаника К.Линнея, считавшего Сибирь колыбелью послепотопного человечества: "Потоп истребил людей, и ковчег Ноев, как сказано в Св. Писании, остановился на горе Араратской, оттуда цепь гор идет к Сибири и Татарии, странам высочайшим... Сии места должны казаться Ноеву семейству лучшими и безопаснейшими для обитания, и Бог произвел там хлеб, которым более всего питается человек вне тропиков, и который (что известно ботаникам) растет *дикий* в одной России восточной. Гейнцельман нашел в степях башкирских пшеницу и ячмень. Жители сибирские пекут хлебы из дикой ржи. Следовательно можно заключить, что Сибирь была первым отечеством Ноевых потомков" (10, т.1, примеч.33).

В контексте Гоголя книги П.С.Палласа, путешествовавшего по Сибири, внимание привлекают, во-первых, не раз встречающиеся упоминания о следах "давнишнего всемирного наводнения" (1, т.9, с.408-409, 278-282, 286, 293, 295, 356, 397), а во-вторых, многочисленные сведения о различных полезных растениях, среди которых "дикая

сибирская пшеница" (1, т. 9, с. 342), "дикая рожь"³ (1, т. 9, с. 377), "дикий овес" (1, т. 9, с. 313), "греча дикая" (1, т. 9, с. 398) и др. Подчеркнута и удивительная пригодность края к земледелию (см. 1, т. 9, с. 293, 329, 408). Как вспоминала А. О. Смирнова, Гоголь летом 1849 года в Калуге "читал с восторгом Палласа, восхищался его познаниями в геологии и ботанике" (18, с. 69-70).

Мысль о происхождении древнейших народов из Азии была близка Гоголю еще в 1830-х годах. В статьях "Жизнь", "Мысли о географии", "О преподавании всеобщей истории", "О движении народов в конце V века" он писал о "великой Азии" с первобытными "народами-пастырями" как "народовержущем вулкане", "колыбели" человечества, и об Арарате как "древнем прапращуре земли" (1, т. 8, с. 36, 84, 101, 116, 118). "Так как горы сообщили форму всей земле, — замечал он, — то познание их должно составить ... начало всей географии" (1, т. 8, с. 102); "География должна разгадать многое, без нее неизъяснимое в истории" (1, т. 8, с. 27-28); "Многое в истории разрешает география" (1, т. 8, с. 45). В те же годы книга Палласа "Путешествие по разным провинциям Российского государства..." появляется (среди других "путешествий по России" — Гмелина, Лепехина, Рычкова, Крашенникова, Севергина и др.) в списке книг, составленном Гоголем по "Росписи российским книгам для чтения, из библиотеки А. Смирдина" (Спб., 1828) (см.: 1, т. 9, с. 491). Неоднократно имя Палласа встречается и в гоголевских подготовительных материалах начала 1840-х годов: "Читать путешествия Лепехина, Палласа, Гмелина" (1, т. 7, с. 317); "Лепехин, Паллас, Крашенников" (5, с. 140). Все эти книги были нужны Гоголю для написания "живой географии России" (см.: 1, т. 14, с. 147, 280; т. 8, с. 497) и продолжения работы над поэмой "Мертвые души", действие которой он, предположительно, намеревался перенести в Сибирь (см.: 7, с. 441, 555, 556). Можно догадываться, что творческие планы Гоголя тесным образом переплетались с его интересом к тому периоду прошлого, который он называл в 1830-х годах "совершенно потерянным для истории": "Более семи тысяч лет прошло от создания первых двух человек и около половины этих лет совершенно потеряно для истории. Только с

³"...урожается(...) как будто посеянная".

появлением первых обществ (слишком за 2000 до Р.Х.) получают начальные сведения о человечестве" (Введение в древнюю историю"; 1, т.9, с.146).

Наибольшее место среди дошедших до нас материалов Гоголя 1830-х годов непосредственно по русской "Истории государства Российского". истории занимают заметки и выписки при чтении второго тома "Истории государства Российского". В девятом томе академического Полного собрания сочинений Н.В.Гоголя 1952 года издания они помещены под № 33-35,37-59,62 (см.: 1, т.9, с.53-67,70; ср.10, т.2, с.39-160). Еще одна обширная выписка из второго тома "Истории ..." (озаглавленная Гоголем "Выписки из Киевской летописи"⁴), не включенная в это издание, опубликована в 1909 г. Г.П. Георгиевским в третьем выпуске сборника "Памяти В.А. Жуковского и Н.В.Гоголя (см.: 15, с.186-198; ср.10, т.2, примеч.262,263,279,280, 286,288,290,292,296,317-320,322,323,327,329,332)⁵. (Текстологический анализ этой выписки свидетельствует, что Гоголь пользовался первым изданием "Истории государства Российского" 1816 года.) Из содержания настоящих заметок явствует, что интерес Гоголя сосредотачивался главным образом на процессе объединения русских земель и на роли в этом процессе городов и удельных князей, создавших города. Тогда же Гоголем был задуман очерк о единовластии, от которого до нас дошло только несколько черновых набросков: "О городах", "Внутреннее устройство", "Обычай", "Великий князь", "Влияние упадка Киевского княжения", "Период второй" (1, т.9, с.60-66). Можно предположить, что замысел этот органически вытекал из размышлений Гоголя над славянской историей. В лекции "Состояние Европы неримской и народов, основавшихся на землях, не принадлежавших Римской империи" (основу которой, как указано, составил незавершенный очерк Гоголя о славянах) он замечал о

⁴ Киевской летописью Карамзин называет список Ипатьевской летописи (нач. XV в.), найденный им в 1809 году в библиотеке купца П.К.Хлебникова (так называемый Хлебниковский список).

⁵ Г.П.Георгиевский, отмечая, что "текст гоголевских "Выписок" весьма близко подходит к Хлебниковскому списку Летописи", ошибочно считал, что оригиналом для них послужила Гоголю летопись, о находке которой он сообщал А.С.Пушкину в письме от 23 декабря 1833 года (1, т.10, с.291) (15, с.124).

"древних обитателях восточной Европы" славянах: "Рассеянная жизнь, открытые пространства России, неимение никаких союзов и взаимной связи между племенами были причиною их непрерывных покорений многочисленными нациями, умевшими повиноваться одному вождю" (1, т. 9, с. 131). Карамзин в заключении первой главы первого тома "Истории..." писал: "Представив читателю расселение народов славянских... что они, сильные числом и мужеством, могли бы тогда, соединясь, овладеть Европою; но, слабые от развращения сил и несогласия, почти везде утратили независимость, и только один из них, искушенный бедствиями, удивляет ныне мир величием (говорим о российских славянах)" (10, т. 1, с. 18).

Позднее Гоголь еще несколько раз возвращался к своему незавершенному замыслу. Начиная с июня 1837 года, будучи за границей, он неоднократно просил Н. Я. Прокоповича выслать ему из Петербурга оставленные там материалы по истории (см. письма Гоголя к Прокоповичу от 3 июня н.ст. и 2 ноября н.ст. 1837 года; от 15 апреля и 2 июля н.ст. 1838-го; 1, т. 11, с. 101, 116, 134, 162). Вероятно, еще до получения этих материалов (что произошло, предположительно, в конце 1838 – начале 1819 года) он возобновил работу над очерком о единовластии. 25 мая н.ст. 1838 г. П. Семенович сообщил Б. Яньскому из Рима: "Занят теперь Гоголь русской историей..." (13, с. 28). Об этом же свидетельствует запись в дневнике А. И. Тургенева от 23 октября 1838 года: "...Поутру был у Гоголя – пишет русскую историю в политическом отношении, объяснял происхождение русских городов и пр." (6, с. 136). В "Выбранных местах из переписки с друзьями" (1847) – книге, написанной не только глубоким религиозным мыслителем и художником, но и оригинальным историком (на это еще не обращалось должного внимания), – Гоголь также замечал: "Все события в нашем отечестве, начиная от поработенья татарского, видимо клонятся к тому, чтобы собрать могущество в руки одного..." (1, т. 8, с. 257) В статье "О сословиях в государстве" (1845), предварявшей создание "Выбранных мест...", Гоголь, следуя переложению слов летописи Карамзиным в "Истории государства Российского", писал: "История государства России начинается добровольным приглашением верховной власти. "Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет: придите княжить и владеть нами..."

(1, т.8, с.489). С этими же размышлениями связано и пророческое восклицание Тараса Бульбы в заключении знаменитой гоголевской повести-эпопеи: "...Подыметса из Русской земли свой царь!..." (4, с.49).

Размышления о власти князя и ее пределах являются определяющими и для составленного Гоголем в начале 1830-х годов по "Истории..." Карамзина очерка "Новгород" (1, т.9, с.67-70; в его основу положены главы третья и седьмая четвертого тома и девятая-десятая второго; ср. 10, т.4, примеч.114, 116; т.4, с.59-61; т.4, примеч.207; т.2, с.107-110; т.2, примеч.278; т.2, с.165-166, 119). В целом сделанные наблюдения были использованы Гоголем в конце 1832 – начале 1833 года при написании статьи "Взгляд на составление Малороссии". В соответствии с главным выводом заметки "О городах", что "дружны князей были причиною и зиждителями городов" и что "множество воинов... людей, не прилагавших труда, должны были собрать вокруг себя трудящийся класс, доставлявший бы им все нужное" (1, т.9, с.61), Гоголь замечает в заключении своей статьи об украинском казачестве: "Наконец целые деревни и села начали поселяться с домами и семействами около этого грозного оплота, чтобы пользоваться его защитою, с условием за то некоторых повинностей" (1, т.8, с.48-49). В своих выписках из "Истории Русов" псевдо-Конисского⁶ он также замечал: "Гетьманам и другим важнейшим урядникам даются на содержание старосты (*правильно*: староства. – И.В.) и ранговые деревни (вспомнить об уделах)" (1, т.9, с.79).

Анализ содержания "Взгляда на составление Малороссии" показывает, что Гоголь воспользовался "Историей..." Карамзина и при написании пятого раздела этой статьи, в котором идет речь о завоевании южнорусских земель литовцами в XIV веке. В восьмой главе четвертого тома Карамзин приводит фрагмент хроники польского историка М.Стрыйковского (Стриковского), которому и следует Гоголь (10, т.4, с.128-129).⁷ При этом Гоголь вступает в полемику с Карамзиным, ибо тот ставит под сомнение достоверность све-

⁶На то, что настоящие наброски являются выписками из "Истории Русов" указал В.П.Казарин (см.: 9, с.55-56).

⁷"Хроника Польская, Литовская, Жмудская и всей Руси" Матвея Стрыйковского (Strykowski M., около 1574 – после 1582) в "старинном русском переводе" 1688 года была известна Карамзину по принадлежавшему ему списку.

дений, сообщаемых М.Стрыйковским: "Сие повествование историка не весьма основательного едва ли утверждено на каких-нибудь современных или достоверных свидетельствах" (10, т.4, с.129). Любопытно отметить, что, когда в 1839 году Гоголь, как явствует из дошедших материалов, задумал переделку статьи "Взгляд на составление Малороссии", он вновь обратился к хронике М.Стрыйковского, цитируемой Карамзиным. В написанном тогда по материалам второго-четвертого томов "Истории..." отрывке "Вражды, войны, битвы и замировки..." (1, т.9, с.74-75; ср.10, т.22, с.104-105; т.3, примеч.114; т.3, с.40, 148; т.4, примеч.103) центральное место занимает пересказ содержания хроники М.Стрыйковского, приводимой Карамзиным в примечании 103 ко второй главе четвертого тома. Здесь повествуется о водворении в Южной России литовских князей еще в XIII веке. Вероятно, при переделке статьи Гоголь намеревался подчеркнуть, что под "могущественное покровительство литовских князей" (согласно строкам "Взгляда на составление Малороссии"; 1, т.8, с.44) Южная Россия попала едва ли не сразу после Батыева нашествия ("им было легко устремляться на еще дымившиеся от татарских пожаров села"; 1, т.9, с.75), – так что пребывание ее под монгольским игом было весьма непродолжительным. Тем самым к более раннему периоду отодвигается и возникновение украинского казачества. Замечание об этом появляется во второй редакции "Тараса Бульбы" (1842): "...Когда вся южная первобытная Россия... была... выжжена... неукротимыми набегами монгольских хищников... бранным пламенем объялся древле-мирный славянский дух, и завелось казачество..." (4, с.8). В черновой редакции "Взгляда на составление Малороссии" (конец 1832 – начало 1833) Гоголь относил появление казачества к концу XIV – началу XV века (см.: 1, т.8, с.596); в редакции этой статьи 1834 года он определял его уже концом XIII – началом XIV-го (см.: 1, т.8, с.46). В то время он соглашался с разделением малороссийской истории М.А.Максимовичем, отводившим эпохе владычества татар на Украине сто лет – с 1240 по 1340 год.⁸ "В сейто литовский период Украины (с.1340), – писал М.А. Максимович, – ... зачиналось козачество..." (14, с.67). Следует, однако, отметить,

⁸См. письмо Гоголя к М.А.Максимовичу от 29 мая 1834 года (1, т.10, с.320).

что сведения М.Стрыйковского о появлении литовских князей в Южной России в XIII веке, положенные Гоголем в основу его позднейших выводов, Карамзин считает еще менее достоверными: "Стриковский смешал предания и времена" (10, т.4, примеч.103).

Полемика Гоголя с историческими взглядами Карамзина касается и более общих, методологических вопросов, связанных в то же время опять с размышлениями Гоголя над украинской историей. Скрыто полемичен одному из положений Карамзина главный вывод статьи Гоголя "Шлецер, Миллер и Гердер" (1834) об идеальном историке, что тот вместе с "глубокостью результатов" Гердера, "огненным взглядом" Шлецера и "мудростью" Миллера должен обладать "увлекательностью" и "занимательностью" Шиллера и Вальтера Скотта, добавив к этому "шекспировское искусство развивать крупные черты характеров" (1, т.8, с.89). Карамзин в предисловии к своей "Истории...", напротив, утверждал, что историк обязан представлять читателю "единственно то, что сохранилось от веков в летописях, в архивах" и что "здравый вкус... навсегда отучил деписание от поэмы" (10, кн.1, с.ХII). Создателю героической эпопеи "Тарас Бульба" подобный подход к историческому материалу должен был показаться явно стеснительным. История, замечал он в своей программной статче "О преподавании всеобщей истории" (конец 1833), должна "составить одну величественную полную поэму ... Каждая лекция профессора непременно должна ... казаться ... стройною поэмою..." (1, т.8, с.26,30). Общее впечатление, вынесенное от чтения "Истории государства Российского", Гоголь распространял в то время и на самую русскую историю. "Русская история, - писал он в статье "Несколько слов о Пушкине" (1834), - только со времени последнего ее направления при императорах приобретает яркую живость (титул императора был принят в 1721 году Петром I; "Истории государства Российского" доведена Карамзиным до 1611 года. - *И.В.*); до того характер народа большею частью был бесцветен; разнообразие страстей ему мало было известно" (1, т.8, с.52-53). Эту же мысль Гоголь повторяет в одном из отрывков "Истории Малороссии" (1834): "Народ... принадлежавший Петру... имел не только необходимость, но и даже нужду... покориться. Их необыкновенный повелитель стремился к тому, чтобы возвысить его, хотя лекарства его был

слишком сильные" (1, т.9, с.83).⁹ В письмах к своему земляку М.А. Максимовичу от 28 мая и 10 июня 1834 года, написанных в связи с представлявшейся возможностью преподавательской деятельности в Киевском университете, Гоголь высказывался еще более откровенно: "Я с ума сойду, если мне дадут русскую историю" (1, т.10, с.319); "Если бы это было в Петербурге, я бы, может быть, взял ее, потому что здесь я готов, пожалуй, два раза в неделю отдать себя скуке" (1, т.10, с.323). Это же отношение проглядывает и в ироническом замечании рассказчика в черновой редакции повести "Портрет" (1834) о затруднительности для него "перечесть по именам удельных князей, наполняющих Русскую историю" (1, т.3, с.616). В свою очередь не удовлетворяли Гоголя – явно с точки зрения "увлекательности" и "занимательности" – и малороссийские летописи. В письме к И.И. Срезневскому от 6 мая 1834 года он замечал: "Я к нашим летописям охладел, напрасно силясь в них отыскать то, что хотел отыскать. Нигде ничего о том времени, которое должно бы быть богаче всех событиями. Народ, которого вся жизнь состояла из движений, которого неволью (если бы он даже был совершенно недейтелен от природы) соседи, положение земли, опасность бытия выводили на дела и подвиги, этот народ... (не дописано. – И.В.) ... Наши вялые и короткие летописи ... так пусты, так бесцветны!..." (1, т.10, с.298-299).

Необходимый материал для создания художественной картины малороссийского прошлого Гоголь почерпнул, как явствует из его писем, в полученной им в начале ноября 1833 года от сестры Марии Васильевны "старинной тетради с песнями" – "между ними ... многие очень замечательны" (письмо Гоголя к матери от 22 ноября 1833 года; 1, т.10, с.285). 9 ноября 1833 года Гоголь в письме к М.А.Максимовичу восклицает: "Моя радость! жизнь моя! песни! как я вас люблю! Что все черствые летописи, в которых я теперь роюсь, пред этими звонкими, живыми летописями!" (1, т.10, с.284). В перечне

⁹ Гоголь объяснял причины петровских преобразований необходимостью "пробуждения" русского народа, а также тем, что "слишком вызрело европейское просвещение, слишком велик был налив его, чтобы не ворваться рано или поздно со всех сторон в Россию и не произвести без такого вождя, каков был Петр, гораздо большего разладу во всем, нежели какой действительно потом наступил..." (1, т.8, с.369-370).

материалов, которые Гоголь в январе 1834 года просит прислать ему в "Объявлении об издании Истории Малороссии", он в один ряд ставит "записки, летописи, повести бандуристов, песни, деловые акты" (1, т.9, с.77). В упомянутом письме к И.И.Срезневскому он признается: "Если бы наш край не имел такого богатства песен – я бы никогда не писал Истории его..." (1, т.9, с.299). "...Песни для Малороссии – все: и поэзия, и история..." – замечает он и в статье "О малороссийских песнях" (1834; 1, т.8, с.91). Глубокий историзм народных песен – славянских, испанских, шотландских, норманских – Гоголь подчеркивал также в "Библиографии средних веков", составленной им в 1834 году для студентов Петербургского университета, и позднее, в незавершенной "Учебной книге словесности для русского юношества" (1845) при характеристике жанра думы (см.: 1, т.9, с. 104-105; т.8, с.476). Для сравнения следует заметить, что в отличие от Гоголя Карамзин, относя песню к десятому из 14-ти выделяемых им разрядов исторических источников, характеризует ее, наряду со сказками, пословицами, древними монетами, медалями и надписями, как источник "скудный" (хотя "не совсем бесполезный") (глава "Об источниках Российской истории до XVII века"; 10, кн.1, с.XVII). Гоголь, возможно, прямо отталкивался от этого деления, в статье о малороссийских песнях восклицает: "...Камень с красноречивым рельефом, с историческою надписью – ничто против этой живой, говорящей, звучащей о прошлом летописи" (1, т.8, с.91). Именно обращение к народным песням-думам как полноценным поэтическим "летописям" минувшего, вероятно, и помогло Гоголю преодолеть длившийся на протяжении всего 1833 года творческий кризис¹⁰ и разрешить связывавшее его карамзинское "отлучение дееспособности от поэмы" (которое преодолевал постепенно, от тома к тому, и сам знаменитый историограф). 11 января 1834 года Гоголь сообщает М.П.Погодину: "Малороссийская история моя чрезвычайно бешена, да иначе, впрочем, и быть ей нельзя. Мне попрекают, что слог в ней слишком уже горит, не исторически жгуч и жив; но что за история,

¹⁰См. признания Гоголя в письмах к М.П.Погодину от 1 февраля, 20 февраля, к А.С.Данилевскому от 8 февраля, к М.А.Максимовичу от 2 июля и 9 ноября 1833 года (1, т.10, с.255,257,262,273,277,284).

если она скучна!" (1, т.10, с.294). Во второй редакции "Тараса Бульбы" автор также замечал, что изобразил в своей повести то время, "о котором живые намеки остались только в песнях да в народных думах" (4, с.7). Своим "огромным" рукописным собранием малороссийских и русских песен¹¹ Гоголь пользовался и при создании драмы из украинской истории в 1839-1841 годах¹² (дошла до нас в нескольких отрывках; см.: (1, т.5, с.199-202; т.9, с.80-83; 2, т.5, с.534, 697-680). В специальной работе, посвященной теме фольклорных источников "Тараса Бульбы", показана зависимость многих мотивов и образов гоголевской эпопеи от народных песен и дум (см.: 11, с.28-278; ср. также 8, с.273-291). Очевидно, использование в этой повести созданий народно-поэтического творчества привело Гоголя к овладению новым методом, итог омысления которого и подводит статья "Шлецер, Миллер и Гердер" с утверждением здесь единства научного и художественного подходов к изучению истории.

Восприятие пушкинского гения также проходило у Гоголя во многом под увлечением народной песней и было связано с изучением русской истории по Карамзину. Важное место здесь занимали размышления о своеобразии малороссийской поэзии, отражающей жизнь "деятельную, разнообразную, своевольную" (1, т.8, с.90), перед великорусской, рисующей быт "более спокойный и гораздо менее исполненный страстей" (1, т.8, с.52). В статье "Несколько слов о Пуш-

¹¹Песни, собранные Гоголем, были опубликованы частично М.А.Максимовичем (в изд.: Украинские народные песни. М., 1834. Ч.1; Гоголь выслал ему до 150 песен; см. его письмо к И.И.Срезневскому от 6 марта 1834 г.; 1, т.10, с.300); восемь песен были напечатаны С.Л.Метлинским (в изд.: Народные южнорусские песни. Киев, 1954, с.110,111,114,118,119,122,282; ср. 19, <отд.5>, с.62); 35 начальных куплетов любимых "гоголевских" песен привел Л.А.Кулиш в "Опыте биографии Н.В.Гоголя" (Спб., 1854, с.168-172). См. также: Памяти В.А.Жуковского и Н.В.Гоголя. Вып.2. Спб., 1908; Сперанский М.Н. К истории собрания песен Гоголя. Нежин, 1912; Н.В.Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936, т.2, с.383; Звезда. 1959, № 4, с.218-219; Лит. наследство. Т.79. Песни, собранные писателями. М., 1968; Народные песни в записках Николая Гоголя. Киев, 1985.

¹²См. письма Гоголя к М.П.Погодину от 15 августа н.ст. и к С.П.Шевыреву от 25 августа н.ст. 1839 года (1, т.11, с.240-241), письмо О.М.Бодянского к М.П.Погодину от 18 октября н.ст. 1839 года (16, с.104) и письмо В.А.Панова к С.Т.Аксакову от 21 ноября н.ст. 1840 года (3, т.2, с.88).

кине" Гоголь писал: "Сочинения Пушкина, где дышит у него русская природа, так же тихи и беспорывны, как русская природа. Их... может совершенно понимать тот... чья душа... способна понять неблестящие с виду русские песни..." (1, т.8, с.54). Позднее, в статье о русской поэзии "Выбранных мест..." Гоголь добавлял к этой характеристике Пушкина: "...Самую прозу упростил он до того, что даже не нашли никакого достоинства в первых повестях его... Сравнительно с "Капитанской дочкой" все наши романы и повести кажутся приторной размазней" (1, т.8, с.384). Классическая "простота" и безыскусственность созданий Пушкина тем более, по Гоголю, удивительны, что даже в стихах поэта их оказалось больше, чем в прозе Карамзина: "Не сделал того Карамзин в прозе, что он в стихах. Подражатели Карамзина послужили жалкой карикатурой на него самого и довели как слог, так и мысли до сахарной приторности" (1, т.8, с.385). Именно от соблазна "натянуть сколько можно выше свой слог, дать силу бессильному, говорить с жаром о том, что само по себе не сохраняет сильного жара" при изображении "дел наших предков" предупреждал Гоголь всякого, кто берется исполнить это, уступая требованиям публики. Этого "средства", по его словам, "не избрал" Пушкин (1, т.8, с.52-53). Потому, оценивая допетровский период русской истории, описанный Карамзиным, как доставляющий мало красок художнику, Гоголь с тем большим восторгом отзывается о созданном по материалам карамзинской "Истории..." "Борисе Годунове" Пушкина: "...Чем предмет обыкновеннее, тем выше нужно быть поэту, чтобы извлечь из него необыкновенное... Определил ли, понял ли кто "Бориса Годунова", это высокое, глубокое произведение, заключенное во внутренней неприступной поэзии, отвергнувшее всякое... пестрое убранство?.." (1, т.8, с.54). ср. также в статье "Об архитектуре нынешнего времени" (1834): "...Где положение земли гладко совершенно, где природа спит, там должно работать искусство во всей силе" (1, т.8, с.73).

Размышления о недостаточном "разнообразии" событий древней русской истории, возникшие при чтении "Истории государства Российского", прямо отзываются в строках статьи Гоголя "В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность" (1846). "Крутой поворот был нужен русскому народу, – замечает здесь Го-

голь об эпохе Петра I, – и европейское просвещение было огниво, которым следовало ударить по всей начинавшей дремать массе" (1, т.8, с.370). В письме к князю П.А.Вяземскому от июля-сентября 1842 года, использованном позднее в той же статье о русской поэзии (см.: 1, т.8, с.391), он пишет о веке продолжательницы Петра Екатерины II, призывая Вяземского приняться за создание произведения, напоминающего по жанру историческую "поэму": "Есть царствования, заключающие в себе почти волшебный ряд чрезвычайностей, которых образы уже стояи пред нами колоссальные, как у Гомера... Нет труда... который бы так сильно требовал глубокомыслия... Из него может быть двенадцать томов чудной истории..." (столько же, сколько у Карамзина) (1, т.12, с.106). Однако в статье о русской поэзии Гоголь, следуя опять-таки Карамзину, называет три самородных источника русской поэзии – песню, пословицу и "слово церковных пастырей", постепенное освоение которых "пророчило для нашей поэзии (и гражданского порядка" России. – *И.В.*) какое-то другим народам неведомое, своеобразное и самобытное развитие" (1, т.8, с.369). Карамзин в заключении четвертой главы пятого тома "Истории государства Российского", посвященной описанию состояния России в XIII-XV веках, в качестве главных источников русской образованности того времени называет последовательно "церковные и душеспасительные книги" (включая сюда летописи, исторические произведения и "слова"), а также "народные пословицы" и "народные песни русские" (10, т.5, с.235-240). Мыслью о необходимости обратиться к этим источникам, оставленных со времен Петра светским образованным обществом, Гоголь и завершает свою статью: "Еще никто не черпал из самой глубины тех трех источников, о которых упомянуто в начале... Все это еще орудия, еще материалы... еще в руде дорогие металлы... Скорбью ангела загорится наша поэзия и... вызовет нам... нашу русскую Россию... которую извлекает она из нас же..." (1, т.8, с.408-409).¹³

¹³Позднее, когда К.С.Аксаков, написавший историческую драму "Освобождение Москвы в 1612" (1848), говорил Гоголю о "безэффектности" русской истории до Петра I (15, т.2, с.104), он отвечал: "...Зачем, не бывши драматургом, писать драму?... Странное дело: когда я разворачиваю историю нашу, мне в ней

Важно заметить, что эту программу для русской литературы Гоголь поместил в книге своих избранных писем, которым, по его признанию, хотел "искупить бесполезность всего, доселе" им "напечатанного". "...В письмах моих, – писал он в предисловии к книге, – ... находится более нужного для человека, нежели в моих сочинениях" (1, т. 8, с. 215). Примечательно, что в таком смиренном сознании незначительности своих писательских заслуг перед высшими, духовными потребностями человека Гоголь имел своим предшественником Карамзина, подобным же образом отзывавшегося о своей "Истории государства Российского". Вполне понимая непреходящее значение своего труда и любя свое творение, он писал, однако же, А.И.Тургеневу: "Жить есть не писать Историю, не писать трагедии и комедии, а... любить добро, возвышаться душою к его источнику; все другое есть шелуха, не исключая и моих осьми или девяти томов". М.П.Погодин, приводя эти строки в своем "Историческом похвальном слове Карамзину...", восклицал: "Может ли быть что-нибудь выше, назидательнее, умильнее этих слов... Золотыми буквами должны они быть написаны, не только в кабинете ученого, но даже и всякого действующего на каком бы то ни было поприще человека, – да читая их, смиряемся" (17, с. 58-59).

Гоголь в статье "Карамзин" (1846), называя погодинское похвальное слово Карамзину "лучшим из сочинений Погодина, отмечал: "Все места из Карамзина прибраны так умно, что Карамзин как бы весь очерчивается самим собою и, своими же словами взвесив и оценив самого себя, становится как живой перед глазами..." (1, т. 8, с. 266). Несомненно разделяя восхищение Погодина как жизненным подвигом историографа, так и еще более его смирением, Гоголь добавлял: "Вот о ком из наших писателей можно сказать, что он весь исполнил долг, ничего не зарыл в землю и на данные ему пять талантов истинно принес другие пять" (1, т. 8, с. 266).

видится такая живая драма на каждой странице... Когда же я читаю извлеченную из нее нашу так называемую историческую драму... полнота жизни от меня уходит..." (письмо к С.Т.Аксакову от 12 июля 1848 года; 1, т. 14 с. 79).

ЛИТЕРАТУРА

1. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. Без м.изд., АН СССР, 1937-1952.
2. Гоголь Н.В. Соч.: В 6 т. 10-е изд. М.; Спб., 1889-1896.
3. Гоголь Н.В. Письма: В 4 т. Спб., <1901>.
4. Гоголь Н.В. Тарас Бульба. М.; Изд-во АН СССР, 1963. (Литературные памятники).
5. Воропаев В. Книги для Гоголя. In: Прометей. Т.13. М., 1983.
6. Гиллельсон М.Н. Н.В.Гоголь в дневниках А.И.Тургенева. In: Русская литература. 1963. № 2.
7. Гоголь в воспоминаниях современников. Без м.изд., 1952.
8. Еремьина В.И. Н.В.Гоголь. In: Русская литература и фольклор (первая половина XIX в.). Л., 1976.
9. Казарин В.П. Повесть Н.В.Гоголя "Тарас Бульба": Вопросы творческой истории. Киев; Одесса, 1986.
10. Карамзин Н.М. История государства Российского. (Репринтное произведение издания 1842-1844 годов): в 12 т. (в 3 кн.). М., 1988.
11. Карпенко А.И. О народности Н.В.Гоголя. Изд-во Киевского ун-та, 1973.
12. Литературное наследство. Т.58. М., 1952.
13. Лугаковский В.А. Гоголь в польской литературе. In: Литературный Вестник. 1902. № 1.
14. Максимович М.А. Украинские народные песни. Ч.1. М., 1834.
15. Памяти В.А.Жуковского и Н.В.Гоголя. Вып.3. Спб., 1909.
16. Письма к М.П.Погодину из славянских земель. (1835-1861): В 3 вып. М., 1879.
17. Погодин М. Историческое похвальное слово Карамзину, произнесенное при открытии ему памятника в Симбирске, августа 23, 1845 года, в собрании симбирского дворянства. М., 1845.
18. Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания. М., 1989.
19. Украинские письма к П.А.Кулишу от М.А.Максимовича. In: Русская Беседа. 1857. Т.1, кн.5.
20. Фридендер Г.М. Комментарий. In: Гоголь Н.В. Полн.собр. соч.: В 14 т. Т.9. Без м.изд., 1952.